

лей и снижение жизненного уровня большинства российского населения в результате последствий европейских санкций против России. Возрождение ущемленного в 1990-е гг. российского национального самосознания стало главной причиной того, что внешнеполитические факторы стали главным мотивом высокой оценки эффективности деятельности Президента РФ.

Таким образом, методологию анализа эффективности политической власти целесообразно основывать на совокупности следующих принципов: комплексности оценивания политических и социально-экономических параметров развития общества, внеидеологичности, суверенности, соответствия социокультурным особенностям населения, сочетания в оценке текущих и стратегических властных решений. Главный принцип – это учет легитимности политической системы, ее отдельных институтов и лидеров на всех уровнях функционирования. Такой подход, с одной стороны, позволит опираться на наработанные зарубежные методологии, а с другой, даст возможность избежать их недостатков и учесть специфические условия развития современной России.

Примечания

- 1 Шабов Ж. Л. Государственная власть : конституционные пределы и порядок осуществления // Полис. 1993. № 3. С. 155–156.
- 2 Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 9–10.
- 3 Гельман В. Политические институты. URL: <http://russia-2020.org/2010/09/14/political-institutions-2/> (дата обращения: 24.06.2015).
- 4 См.: Шабров О. Ф. Политическая власть, ее эффективность и легитимность. URL: <http://shabrov.info/Statji/vlast.htm> (дата обращения: 24.06.2015).
- 5 Там же.
- 6 Там же.
- 7 Цит. по: Шабров О. Эффективность государственного управления в условиях постмодерна // Власть. 2010. № 5. С. 5.

- 8 См.: Озорнина Ю. П. Эффективность государственного управления социальной сферой : опыт социологического исследования // Науч. вестн. Урал. акад. гос. службы. 2011. № 4 (17). С. 20–30.
- 9 См.: Вилков А. А. Политическое управление и гражданское общество в современной России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 62–70.
- 10 Солдатова А. С. Эффективность управления регионами России : концептуализация и измерение практик // Ars Administrandi (Искусство управления). 2012. № 4. С. 14.
- 11 Дуран Т. В., Костин В. А. К вопросу о понятии «эффективность» в процессе управления // Науч. вестн. Урал. акад. гос. службы. 2011. № 15. С. 138–143. URL: <http://vestnik.uara.ru/ru/issue/2011/02/18/> (дата обращения: 07.07.2015).
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 Ахременко А. С., Петров А. П. Политические институты, эффективность и депривация : математическая модель перераспределения политического влияния // Полис. 2012. № 6. С. 99.
- 15 Там же.
- 16 Хольцер М. Производительность, государственное управление и демократия // Эффективность государственного управления : пер. с англ. М. : Консалт-банкир, 1998. С. 17.
- 17 Сулов М. Г. Взгляды на эффективность работы органов власти в зарубежных странах // Ars Administrandi (Искусство управления). 2012. № 4. С. 95.
- 18 Барциц И. Н. Показатели эффективности государственного управления (субъективный взгляд на международные стандарты) (часть 1). URL: <http://www.pvlast.ru/archive/index.433.php> (дата обращения: 09.07.2015).
- 19 Там же.
- 20 См.: Понижение кредитного рейтинга России может увеличить госдолг – эксперт. URL: <http://www.aif.ru/money/market/1433563> (дата обращения: 09.07.2015).
- 21 См.: Вилков А. А. Родоплеменной и религиозный фактор в технологиях современных «цветных революций» (на примере Ливии) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 53–59.

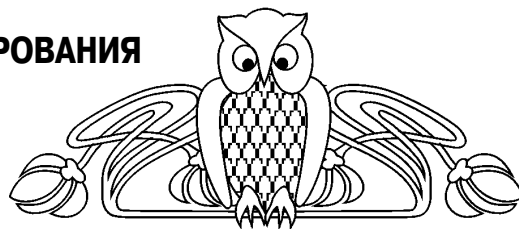
УДК 323.2

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ПОЛИТИЧЕСКИМ И ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ

М. К. Борисова

Саратовский государственный университет
E-mail: bmkp@gmail.com

В статье рассмотрены основные трактовки роли институтов в политической и экономической жизни в современных условиях, выявлены ключевые институциональные факторы взаимосвязи по-

литического и экономического развития в постсоветской России. Сделан вывод о том что «родовые пятна» периода институционализации рыночной экономики в постсоветской России неизбежно проявились в виде дефектов институционализации политической системы. Дефективность нашла отражение в конституционном закреплении перекосов системы разделения властей, в нор-

мативном и практическом закреплении персонализированной легитимности политических институтов и власти в целом, в создании предпосылок для проявления и укрепления авторитарных тенденций в российской политической жизни.

Ключевые слова: политические институты, экономические институты, основные трактовки институтов, институциональные факторы политического и экономического развития.

Institutional Factors of Forming Ties Between Political and Economic Development

М. К. Borisova

The article considers the main treatments of the role of institutions in political and economic life in present-day conditions, reveals the key institutional factors of interconnection of political and economic development in post-Soviet Russia. It draws a conclusion that ancestral flaws of the period of institutionalization of market economy in post-Soviet Russia inevitably came out as defects of institutionalization of political system. This defectiveness was reflected in constitutional fixation of the distortions in the system of power division, in normative and practical fixation of personalized legitimacy of political institutions and authority as a whole, in building up pre-conditions for appearing and strengthening of authoritarian trends in Russian political life.

Key words: political institutions, economic institutions, main treatments of institutes, institutional factors of political and economic development.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-114-119

Обострение международных отношений и «война санкций» еще раз показали, насколько актуальна взаимосвязь между политикой и экономикой. Не случайно, что за достижения в данной области многие исследователи стали лауреатами Нобелевской премии.

Р. Коуз, как основатель новой реалистичной институциональной экономической теории, акцент делал на целесообразности ослабления государственного вмешательства в экономику и возможностях самих институциональных структур рыночной экономики в снижении социальных издержек свободной конкуренции. Теоретическим основанием для такого подхода стала критика классической теории рациональности и обоснование объективных ограничений в принятии сложных социально-экономических и политических решений. Они обусловлены тем, что существует большое количество рисков, связанных с неполной и асимметричной информацией, а также с тем, что экономические агенты не всегда действуют в рамках законодательно закрепленных норм и правил¹. Поэтому смысл оптимизации институциональной основы экономики виделся автору в расширении возможностей экономических агентов самим регулировать отношения друг с другом без вмешательства государства.

Принципиально противоположную позицию занимает еще один классик институционального подхода, нобелевский лауреат 1993 г. Д. Норт. В своей нобелевской лекции он подчер-

кивал, что «институты – это ограничения, структурирующие человеческие взаимоотношения и создаваемые самими людьми. Среди них можно выделить формальные ограничения (правила, законы, конституции), неформальные ограничения (нормы поведения, условности, внутренние принципы), а также механизмы, позволяющие контролировать их соблюдение. В совокупности они задают систему стимулов, действующих в обществе и, следовательно, в экономике»². Д. Норт делал акцент на том, что само наличие формальных правил не является гарантией успешного функционирования национальных экономик (приведя в качестве примера тот факт, что «целый ряд латиноамериканских государств построили свои конституции по образцу конституции США, но результат получился совершенно иной»³. То есть смысл и предназначение институтов состоит в том, чтобы уменьшить риски и неопределенность общественных отношений с помощью установления определенных структур и ограничений взаимодействий между людьми.

Институциональный подход был характерен и для К. Поланьи как экономиста, социолога и антрополога. По его мнению, «институциональное оформление хозяйственного процесса придает ему внутреннее единство и стабильность. Оно порождает структуру, наделенную в обществе конкретной функцией. Оно изменяет место хозяйственного процесса в обществе, придавая тем самым большую значимость его истории. Оно концентрирует внимание на ценностях, мотивах и проводимой политике»⁴. К. Поланьи акцентирует внимание на необходимости включения в этот процесс неэкономических элементов: «Ведь религия или управление могут быть так же важны для структуры и функционирования хозяйства, как денежные институты или наличие машин и оборудования, облегчающих тяжелое бремя труда»⁵. Именно соотношение между экономическими и неэкономическими институтами составляет основу различий капитализма и социализма. Изменение места хозяйства в обществе можно изучать с помощью таких исследовательских инструментов, как реципрокность⁶, перераспределение и обмен, которые позволяют описать самые различные вариации хозяйственного процесса. К. Поланьи делает акцент на том, что речь идет не просто об анализе соответствующих форм межличностных отношений либо о кумулятивном эффекте индивидуального поведения, а о роли определенных институциональных предпосылок в экономической сфере, без которых «межличностное поведение столь часто не приводит к ожидаемым социальным эффектам»⁷.

В отечественном общественном сознании в постсоветский период проблема институциональной взаимозависимости экономики и политики также привлекала внимание многих исследователей. В начале 1990-х гг. акцент делался на обосновании

социальной значимости отхода от уравнилельной концепции социализма с его тоталитарной политической надстройкой и важности внедрения рыночной модели экономики, основанной на институциональной базе демократии⁸.

Подобный подход лежал в основе преобразования российских «младореформаторов». Не случайно, что Е. Т. Гайдар до последних дней своих настаивал на том, что политические и экономические реформы нужно было проводить единовременно, только более решительно. По его мнению, России нужно было «одновременно решать проблемы XIX века – формирование правового государства; начала XX века – искоренение остатков социального и промышленного феодализма, резкая демонополизация экономики; борьба с фашизмом, другими крайними формами саморазрушительного национализма конца XX века и наступающего XXI века»⁹. Лидер российских либералов подчеркивал, что кроме традиционных проблем, характерных для многих стран мира, у России есть уникальные проблемы, к которым он относил последствия мощного тоталитаризма, «формирование среднего класса, осознание обществом и государством идеи легитимности частной собственности. И весь этот набор проблем придется решать одновременно. Последовательно это делать просто не удастся – мир нас ждать не будет, поблажки нам история не даст. Эти проблемы взаимосвязаны и выстраиваются в единую вертикаль: от источника инвестиций (частный или государственный) до общей социально-политической стратегии и идеологии»¹⁰. Несмотря на то, что Е. Т. Гайдар понимал значение традиционных институтов и их связь со стабильностью в обществе и государстве, акцент он делал на необходимости их изменений. По его мнению, «сочетание стабильности и гибкости, риски, связанные с делегитимацией традиций, – ключевые вопросы при анализе взаимосвязи институтов и экономического роста»¹¹.

Социально-экономический провал данной модели институциональных преобразований 1990-х гг. сегодня признают большинство отечественных экономистов. Главный аргумент состоит в том, что именно она привела к формированию несбалансированной олигархической экономики РФ, ориентированной, прежде всего, на продажу сырьевых ресурсов на мировом рынке. Однако остается недостаточно раскрытой и дискуссионной проблема взаимосвязи данной неудачи в социально-экономической сфере с институциональными преобразованиями в политической жизни постсоветской России. Современные российские либералы именно здесь видят корни причин формирования неэффективной экономической системы РФ, неспособной к инновациям и ответам на жесткие конкурентные вызовы на мировом рынке.

Результатом усиления роли государства в экономике, по мнению либеральных критиков,

стали расширение бюрократического вмешательства в экономические процессы, повсеместная коррупция, неэффективный менеджмент в госкорпорациях, непомерные расходы на оборону в последние полтора десятилетия. Эти негативные явления – следствие отсутствия механизмов демократического контроля над органами власти, реальной оппозиции и политической конкуренции в современной России.

Возникает вопрос, насколько данные недостатки экономики обусловлены институциональными недостатками политической системы периода президентства В. В. Путина? Или же проблемы уходят корнями в политическую систему 1990-х гг., когда она формировалась под воздействием либералов? Либо можно поставить вопрос в рамках парадигмы экономического детерминизма об определяющей роли экономических факторов в складывании и эволюции политической системы в постсоветской России?

С учетом того, что, как было рассмотрено выше, сами теоретики либерально-демократических реформ акцент делали на объективной неизбежности одновременного преобразования всех сфер общественной жизни, то получается, что именно радикальные изменения в экономической и социальной сфере стали главными факторами политического развития страны в постсоветский период. Основные институциональные задачи в области экономики были определены либералами в комплексе: разрушение советской плановой системы хозяйствования и ценообразования, приватизация бывшей общенародной собственности, формирование класса собственников, внедрение рыночных отношений, интеграция России в мировые экономические отношения. Результатом стала деиндустриализация российской экономики, катастрофическое падение промышленного и сельскохозяйственного производства и однобокое развитие ориентированных на экспорт сырьевых отраслей. Рост безработицы и резкое снижение уровня жизни большинства российского населения поставили под вопрос легитимность тех либерально ориентированных политических сил, которые проводили такую радикальную модель экономических реформ.

Для того чтобы удержаться у власти, либерально-демократические сторонники Б. Н. Ельцина вначале применили силу для разрешения конфликта с Верховным Советом и Конституционным судом, а затем использовали все ресурсы для того, чтобы на референдуме была принята Конституция, которая и заложила институциональные основы действующей по сей день политической системы России. Тем самым конституционно были закреплены перекося институционального дизайна политической власти в сторону возможностей и полномочий Президента РФ, принижение роли парламента, слабая политическая функциональность партий. На вы-

борах президента 1996 г. именно либеральные силы апробировали ту манипулятивную модель борьбы с оппонентами Б. Н. Ельцина, которая в дальнейшем, в 2000-е гг., была использована против них самих.

В борьбу за сохранение приобретенной собственности и за ее передел в избирательные кампании активно подключились представители нового класса российских собственников, для того чтобы использовать представительные органы власти и другие политические механизмы в своих экономических интересах и целях. В результате главной функцией таких демократических институтов, как выборы, многопартийность, свобода слова, политическая конкуренция, стало не представление интересов российского населения в политике, а обеспечение интересов российских олигархов различного уровня. Тем самым политические институты были превращены в инструменты борьбы в экономической сфере. Очевидно, что такая их функциональность не могла встретить позитивного отношения со стороны российского населения.

Поэтому политика В. В. Путина, нацеленная на укрепление позиций государства во всех сферах общественной жизни и ограничение всевластия российских олигархов, получила поддержку значительной части российских граждан. Прозвучавшие институциональные изменения в политике, связанные с ограничением конкуренции и свободы слова, с использованием административного ресурса на выборах, не рассматриваются в массовом сознании как самоценность, поэтому и не оцениваются негативно. Кроме того, в условиях благоприятной мировой конъюнктуры, на фоне роста цен на энергоресурсы, В. В. Путину удалось не только обеспечить выплату огромного внешнего долга России, но и значительно повысить уровень жизни российского населения.

Тем не менее, мировой кризис 2008 г. и особенно обострение международных отношений в связи с присоединением Крыма и гражданской войной на Украине вновь актуализировали вопрос об институциональной обусловленности экономических преобразований в России. В вопросе о необходимости диверсификации российской экономики сошлись позиции фактически всех отечественных политиков и экономистов, независимо от идеологических ориентаций. Однако задачи импортозамещения в условиях «войны санкций» вновь провели определенный «водораздел» в понимании стратегии такой диверсификации и ее обусловленности институциональными политическими изменениями.

Радикальная либеральная оппозиция рассматривает данный вопрос только в ракурсе изменения политического режима в России, которое связывают исключительно со сменой В. В. Путина на посту президента. Программы последующего экономического развития в основном связаны с восстановлением сотруд-

ничества с западноевропейскими странами и ослаблением регулирующей роли государства в экономической сфере.

Перспективы выхода из кризиса, по мнению некоторых исследователей, «следует связывать не с “разворотом на Восток” или с тотальным импортозамещением, а со скорейшей нормализацией условий сотрудничества с зарубежными партнерами, восстановлением стабильности валютного курса рубля и осуществлением структурных и институциональных преобразований, направленных на преодоление сырьевой зависимости российской экономики»¹². В качестве препятствия для реализации такой стратегии отмечается готовность российских политиков приносить экономические приоритеты в жертву геополитическим, тогда как «главным геополитическим приоритетом любой страны должно быть обеспечение достойного уровня жизни граждан, проживающих на ее территории»¹³.

В целом, говоря об институциональных факторах формирования связей между экономическим и политическим развитием в постсоветской России, можно сделать следующие выводы. Следует признать, что использованные в период либеральных преобразований 1990-х гг. в России подходы к определяющей роли идей в институциональном обеспечении реформ всех сфер общественной жизни были, по сути, своего рода вариантом позитивного конструктивизма. Сторонники данного подхода были уверены в том, что они вооружены правильной и единственно возможной стратегией общественных преобразований, основанной на ценностях и принципах, апробированных опытом демократического развития западноевропейских стран. Заимствованная идейная конструкция стала основанием для формирования либерального институционального дизайна в политике, экономике и духовной сфере. Ложный посыл состоял в том, что либералы рассчитывали сформировать правовое государство, гражданское общество, рыночную экономическую систему с помощью социальных ресурсов постсоветской России, без учета его конкретных социокультурных характеристик (особенностей мировоззрения, отношения к труду и к потреблению, понимания социальной справедливости, восприятия государства и его функций, прав и свобод личности и т. д.) и без учета масштаба и сложности институциональных преобразований.

Существовавшие политические и социально-экономические институты не могли быть просто переформатированы в либеральные, так как российское население в большинстве своем не было готово к восприятию либеральных ценностей и принципов.

Современное либеральное общество в западноевропейских странах базируется на мощном экономическом фундаменте, позволяющем обеспечить высокий уровень жизни и социаль-

ной защиты населения. Именно данные показатели стали главными аргументами, которые использовались российскими либералами для формирования положительного образа радикальной модели реформ в постсоветской России. Однако советский экономический потенциал основывался на принципиально иных институтах и ценностях и не мог стать основой для либеральной надстройки.

Поэтому радикальные реформы были нацелены в первую очередь на разрушение плановой экономики и формирование социальной базы частной собственности для рыночной экономики. Этот институциональный переход не только не приблизил население России по уровню жизни к западноевропейским стандартам, но и отбросил назад от показателей советского периода. Кроме того, институционализация рыночных отношений сопровождалась разгулом преступности в невиданных прежде масштабах. Значительную часть нового класса собственников составили партийно-хозяйственная номенклатура, криминальные элементы, махинаторы и комбинаторы всех мастей, которым в одночасье достались огромные экономические ресурсы. Разделенные на жестко конкурирующие кланы, они использовали разнообразные легитимные и нелегитимные средства борьбы друг с другом. Важнейшую роль среди них играли политические механизмы борьбы за власть и доступ к общественным ресурсам. Эффективные политические и социально-экономические институты на такой социальной базе не могли быть сформированы по определению.

«Родовые пятна» периода институционализации рыночной экономики в постсоветской России неизбежно проявились в виде дефектов институционализации политической системы. Дефективность нашла отражение в конституционном закреплении перекосов системы разделения властей, в нормативном и практическом закреплении персонализированной легитимности политических институтов и власти в целом, в создании предпосылок для проявления и укрепления авторитарных тенденций в российской политической жизни. Но еще больше дефективность институционализации политической системы постсоветской России проявилась в повсеместном распространении таких политических практик, которые выхолащивали нормативно закрепленные демократические ценности и принципы (участие криминала во власти, коррупция чиновников, демагогия политических лидеров, манипулирование массовым сознанием, использование административного ресурса, подкуп избирателей, фальсификации на выборах и др.). Тем самым был существенно подорван уровень легитимности политических институтов в массовом сознании россиян, особенно на фоне дезинтеграционных процессов в стране, которые также воспринимались как следствие либеральных преобразований. По мнению исследовате-

лей, страна в этот период была расколота «по самым разным основаниям: от идеологического, социального, этноконфессионального и до регионального»¹⁴.

Поэтому наведение порядка в стране и усиление регулирующей роли государства были позитивно восприняты российским населением. Тем не менее, «родовые пятна» политических и социально-экономических институтов не исчезли, а были переформатированы. Всевластие российских олигархов заменено на всевластие государства, хаос конкуренции заменен на доминирование партии власти, которая использует административный ресурс для сохранения своих позиций. Тем самым отсутствие реальной конкуренции и серьезной критики в отношении действий властей в экономической и социальной сфере, публичного обсуждения альтернативных вариантов решения важнейших социально-экономических проблем не способствует искоренению институциональных «родовых пятен».

В условиях обострения международных отношений и ухудшения социально-экономического положения в стране объективно возникают угрозы для дестабилизации внутривнутриполитической ситуации (особенно с учетом активного внешнего воздействия). Возникает надежда, что российская политическая элита и тесно связанная с ней экономическая элита осознают опасность данной угрозы и вместо манипулирования патриотическими настроениями российского населения для сохранения своей власти сами займут патриотическую позицию. Она сегодня состоит в том, чтобы реально диверсифицировать российскую экономику и создать привлекательные нормативно-правовые, финансовые, налоговые, организационные условия для ее развития.

Примечания

- 1 См.: Коуз Р. Фирма, рынок и право / пер. с англ. Б. Пинскера ; науч. ред. Р. Капелюшников. М. : Дело ЛТД, 1993.
- 2 Норт Д. Функционирование экономики во времени. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2004/6/2004_6_12.html (дата обращения: 02.08.2015).
- 3 Норт Д. Институты и экономический рост : историческое введение // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 75.
- 4 «Великая трансформация» Карла Поланьи : прошлое, настоящее, будущее / под общ. ред. Р. М. Нуреева. М. : ГУ ВШЭ, 2007. С. 50–51.
- 5 Там же. С. 51.
- 6 Реципрокность (от лат. *reciprocus* – взаимный) – способ передачи благ, заключающийся в их ритуализированном дарении, по Карлу Поланьи, альтернативный рынку и перераспределению. Лежит в основе экономики престижа. Подробнее о роли реципрокности в России см.: Барсукова С. Ю. Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами : теория и практика

- реципрокности. Препринт WP4/2004/02. М. : ГУ ВШЭ, 2004.
- ⁷ «Великая трансформация» Карла Поляни... С. 53.
- ⁸ См., например: *Стариков Е. Н.* Общество-казарма от фараонов до наших дней. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996.
- ⁹ *Гайдар Е. Т.* Власть и собственность : Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб. : Норма, 2009. С. 327.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 7.
- ¹² *Афонцев С. А.* Выход из кризиса в условиях санкций : миссия невыполнима? URL: <http://institutiones.com/general/2562-vyход-iz-krizisa-v-usloviyah-sankcij.html> (дата обращения: 01.08.2015).
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Вилков А. А.* Политическая целесообразность и нравственные основы Конституции Российской Федерации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 63.